

DOI 10.25991/VRHGA.2022.3.1.006

УДК 2

Прот. Сергей Ларюшкин (С. А. Ларюшкин)*

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТАХ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье проводится анализ богослужебных текстов (служб) русского Средневековья с целью выделить в них концепты, отражающие видение церковью значимых исторических событий для народа, влияющих на формирование национального самосознания. Для анализа взяты тексты некоторых служб, посвященных преимущественно русским князьям, чья деятельность связана с событиями русской истории. Выбор русским народом понятия святости в качестве национального идеала обусловил взаимодействие национальных и духовных понятий, что отражено в древнерусской литературе. Сочетание данных понятий присутствует и в гимнографии, где национальные мотивы представлены как необъемлемая часть духовной добродетели, в результате чего княжеское служение, ратный подвиг, смерть за веру, забота о просвещении и т. п. понимаются как служение Богу. Таким образом, национальное самосознание отражено в богослужебных текстах с четкой определенностью, а изучение данных текстов в национальном направлении имеет свои перспективы.

Ключевые слова: национальное самосознание, богослужебный текст, святые, князь, мученик, древнерусский, средневековый.

Priest Sergiy Laryushkin (S. A. Laryushkin)
NATIONAL SELF-AWARENESS REFLECTION
IN THE TEXTS FROM THE BOOKS OF CHURCH SERVICES
WRITTEN IN THE RUSSIAN MEDIEVAL PERIOD

The article details the analysis of the texts from the books of church services ("Services") written in the Russian Medieval Period. The objective of this analysis is to detect in those texts the reflection of the church's conception of the significant for the nation historical events

---

* Ларюшкин Сергей Александрович, аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; проректор по воспитательной работе, преподаватель церковнославянского языка, Нижегородская духовная семинария; sergyilar@yandex.ru

shaping the national self-awareness. The analysis was based predominantly on certain texts from the books of church services that are consecrated to a few of the Russian Knyaz (Princes) who are associated with the Russian historical events. It is evident that the Russian nation has chosen sainthood as its national ideal — that has facilitated the synergy of the national and ecclesiastical concepts — and that has found its reflection in the Old Russian Literature. That synergy is represented in hymnography, where the national motifs are presented as the integral element of the spiritual virtues, respectively the Knyaz's active duty, act of bravery, martyrdom, facilitation of education, etc. are construed as service to God. Thus, the national self-awareness is reflected definitively in the texts from the books of church services; and there is scope to study those texts from the highlighted angle.

Keywords: national self-awareness, text from the books of church services, saints, Knyaz, martyr, Old Russian, medieval

Забвение народом своих исторических и культурных истоков и корней оборачивается весьма болезненными и необратимыми последствиями, касающимися, в первую очередь, национального самосознания, в котором народ понимает себя как некую неповторимую «социальную личность», со своим характером, культурой и цивилизацией. В этом культурно-цивилизационном поле человек призван раскрыть себя, свой потенциал, войти в культурную знаковую систему, лежащей в основе национальной идентификации. Современная Россия сохраняет свою целостность преимущественно усилием государства, которое удерживает в некотором единстве всё многообразие российского социума, со всей его многонациональностью, многоконфессиональностью, культурным разнообразием и т. п. В настоящее время идёт поиск национально-культурной скрепы российского социума. Этот процесс весьма сложен, но вполне очевидно, что без духовных ориентиров её создать невозможно.

Демократизация общественных отношений, смена приоритетов, установка на приобретение материальных благ и пр. основательно переформатировали мировоззрение и аксиологическую шкалу, выработали утилитарное мировосприятие. По этой причине многие ценности, которые были действенны в до-революционный период, сейчас полностью или частично утратили авторитет, и это подвигает современную Россию к поиску национальных идеалов с опорой на исторические явления, культурное и национальное наследие и в то же время к формированию нового культурного пространства, которое будет служить средством национального объединения и национальной идентификации.

Вопрос о национальном самосознании всегда обостряется в переломные моменты истории народа, в те времена, когда создаётся угроза уничтожения народа как такового, его уникальности и самобытности. Под самобытностью должно понимать не только и не столько внешнее культурное своеобразие народа, сколько, в первую очередь, особенность его мышления, его творческий потенциал, на фоне которого раскрывается и совершенствуется личность каждого члена общества, рождается национальный гений, соприкасающийся в национальном совершенствовании с мировой культурной сокровищницей. По словам русского мыслителя Н. А. Бердяева,

человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлечённый человек... Всё творческое в культуре носит на себе печать национального гения... Национальное и общечеловеческое

в культуре не может быть противопоставляемо. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества. В национальном гении раскрывается всечеловеческое, через своё индивидуальное он проникает в универсальное [1].

Иными словами, национальное самосознание, если оно не замкнуто на национальной исключительности, содержит идеи развития внутренних потенциалов, которые должны найти место в мировом масштабе. В этих идеях нация находит исторические силы и динамику своего цивилизационного развития. Именно по этой причине борьба за национальную независимость и свободу никогда не теряет своей остроты, причем не только при наличии угрозы физического уничтожения народа, но и в мирное время, когда чуждая культурная экспансия способна нанести не меньший вред.

Национальный вопрос вошёл в круг важнейших проблем Руси со времён её крещения и не исчезает по сей день, являясь объектом острых философских споров и неоднозначных теоретических построений, развиваясь и обогащаясь различными аспектами на фоне исторических событий.

Так, до монгольского нашествия центральной идеей в развитии самосознания выступало событие крещения Руси, когда русский человек стал воспринимать себя частью мировой христианской культуры и увидел новый этап своего исторического развития. Данная мысль присутствует в знаменитом «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона:

Ибо вера благодатная по всей земле простерлась, и до нашего народа русского дошла. И Закона озеро пересохло, евангельский же источник наводнился, и, всю землю покрыв, до нас разлился. Вот уж и мы со всеми христианами славим Святую Троицу.

И далее:

И вот уж не только у них [в Византии. — С. Л.], но и у нас Христос царём зовется. Он [царь Константин. — С. Л.] с матерью своею Еленою крест из Иерусалима принёс, по всему миру своему его разнеся, веру утвердил. Ты же [кн. Влаимир. — С. Л.] с бабкою своею Ольгой, принеся крест из нового Иерусалима, Константина града, по всей земле своей его поставив, утвердил веру.

Академик Д. С. Лихачёв замечает, что

«Слово о Законе и Благодати» первого киевского митрополита из русских («русина») Илариона... посвящено сложнейшей историософской проблеме. Оно говорит о месте Руси во всемирной истории, об исторической роли русского народа. Оно полно гордости успехами христианской культуры на Руси, и как удивительно, что при всем том оно лишено национальной ограниченности. Иларион не ставит русский народ выше других народов, но говорит о равноправности всех народов мира, приобщившихся к христианству [2].

Вся древнерусская литература пронизана национальными идеями и патристическим пафосом. Д. С. Лихачёв говорит о единой теме и сюжете литературы того времени: «Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни» [4]. В произведениях различных жанров в разных аспектах раскрывается осознание русскими своего места в истории и культуре. Например,

«Повесть временных лет» определяет место славян и, в частности, русского народа среди народов мира, рисует происхождение славянской письменности, образование Русского государства и т. д.» [4]. В «Слове о Законе о Благодати» утверждается мысль о самостоятельности русских как в государственном, так и в церковном плане. «Поучение» Владимира Мономаха становится в своём роде кодексом нравственности, в первую очередь для элиты. Огромное значение для русского самосознания имели литературные произведения времён татаро-монгольского ига: «Повесть о битве на реке Калке», «Повесть о разорении Рязани Батыем» «Китежская легенда», «Задонщина», «Повесть о Куликовской битве», «Слово о житии Дмитрия Донского», «Сказание о Мамаевом побоище» и многие другие.

Особое внимание стоит обратить на церковную литературу, в частности на богослужебные тексты, где исторические события фиксируются и осмысливаются в духовном ключе, то есть отражают значимость этих событий для народа, для всего духовного фона, от которого зависит культурно-цивилизационное бытие социума как самобытного народа. Сам факт осмысления важных исторических событий в церковной гимнографии говорит о процессе формирования национальных идей в её христианских аспектах на определённом историческом этапе. По этой причине, расположив богослужебные тексты в порядке их составления, можно наблюдать, как развивался и протекал этот процесс в религиозном сознании социума.

Актуальность исследования богослужебных текстов в национальном аспекте обуславливается также малоизученностью данного направления в плане структурной систематизации частных концептов (топосов), средств художественного выражения и изображения — всего того, что является материалом для философского осмысления национальной картины мира человека средневековой Руси.

Для настоящего анализа взяты некоторые богослужебные тексты периода русского Средневековья, посвящённые преимущественно русским князьям, чьи имена связаны с важнейшими периодами истории России: Борису и Глебу, равноапостольному Владимиру, Александру Невскому, Георгию Всеволодовичу. Также для обзора взята служба священномученику патриарху Ермогену — видному патриоту периода Смутного времени.

Стоит оговориться, что русское Средневековье не имеет точных хронологических рамок: у разных исследователей они определяются неодинаково [см.: 6]. Для периода X–XVI в. существует также термин «Древняя Русь», «древнерусский» и т. п. Не преследуя в нашей работе цель хронологизации истории, мы будем использовать выражения «средневековая Русь» и «Древняя Русь» как некие синонимы.

Как показал анализ фактического материала, национальные акценты встречаются уже в одном из самых древних текстов церковной литературы — службе князьям-страстотерпцам Борису и Глебу (в крещении — Роману и Давиду). Текст учёные относят к XII веку, автором его является митрополит Иоанн I. Достоинством данного произведения является наличие в нём такой новой и важной для крещёной Руси идеи, как осмысление русскими своего места в семье христианских народов, осознаётся вселенская значимость рус-

ских святых. Эти темы присутствуют уже в первых стихирах на малой вечерне: «Приидите вси, о новоизбранное стадо Христово... восхвалим... царскаго корене святую отрасль...»; «Да радуется радостию все человечество днесь, и да поет, ликующи, божественными песньми Христова Церковь, хвалящи новопросвещенныи князи же и мученики...»

В тропаре — центральном смысловом тексте — подчёркивается чистая и добродетельная жизнь Бориса и Глеба, без которой невозможно пройти мученический подвиг: «Христа ради остависта тленную славу земную. Царство земное возненавидеше и чистоту возлюбивше и неправедное убийство претерпевше, никакоже противяшеся заколающему вы брату...» В силу этого святые братья почитаются как близкие и дерзновенные ходатаи пред Богом за власть предрержащих и весь народ. Это выразилось в прошении, ставшем неким клише для подобных текстов во многих последующих службах святым князьям: «Молитесь о державе сродников ваших богоугодной быти и сыновом Российским спастися».

В стихирах на утрне Борис и Глеб показываются как некое средоточие восхваления Христа через Его мучеников, какими являются святые братья («Верста [двоица, пара. — С. Л.] божественная же и честная прехвальных самобратий нам облиста днесь, созывающи новыя люди похвалити предоблия мученики...»), восхваляется их родное отечество («Блаженно отечество и град, в немже воспитаетесь, честный храм же храм, телеса ваша приемый...»), в более широком масштабе Борис и Глеб почитаются как «земли Российския удобрение и вся вселенная наслаждение». В хвалитных стихирах страсотерпцы воспеваются как светильники веры и просветители земли, явившие в своём подвиге кроткий облик Христа. Именно этот облик полюбился русскому народу и вошёл, по словам Г. П. Федотова, «в сердце русского народа навеки как самая заветная его святыня» [7, с. 50], т. е. занял одно из центральных мест в формировании не только православного мировоззрения, но и всей национальной картины русского человека. В этой картине отражается значимость христианской религии в цивилизационном развитии и выражен способ достижения духовных идеалов — следование фундаментальным христианским заповедям. В свете данных заповедей сформировалось понимание достоинства и чести человека восточнохристианской религии: православный герой — это подвижник благочестия.

Таким образом, в анализируемом богослужебном тексте можно наблюдать следующие национальные признаки:

- понимание значимости крещения Руси в мировом культурном пространстве;
- понимание значимости христианства для формирования аксиологических категорий личности и социума;
- понимание значимости русских святых в сонме других христианских подвижников и в то же время понимание особенности русской святости;
- сформировавшееся восприятие облика русского святого.

В другом богослужебном тексте XII века, посвящённом равноапостольному князю Владимиру (в крещении Василию), осмысливается идея крещения Руси и просвещения народа христианской верой. Событие крещения понимается как новая жизнь народа, новая духовно-историческая эпоха. Уже в стихирах

на Великой вечерне присутствуют аллюзии на Священное Писание и аналогии с событиями библейской и византийской истории: «Веселися вечно светло сияющи гора Синайская, Моисейским освятившися законом... светло же сияя веселится и радуется град твой, Василие: не яко во мраце, но яко в Дусе Сына со Отцем видя в себе славима...» (стихира на «Господи, воззвах»).

В этом ключе князь Владимир понимается как «отец духовно, царь же чувственно», «отец и наставник» (стихира на «Господи, воззвах») для всего народа. То есть правление князя Владимира понимается в богослужебном тексте как правление не только административное («чувственно»), но и духовное. Весь же народ, соответственно, должен осознавать себя в некотором роде послушной паствой. И хотя нигде в тексте службы князь Владимир не именуется пастырем и его деятельность не приравнивается к священнической, однако, во всех песнопениях ясно присутствует мысль духовного руководства своего народа, в парадигме новых духовных и мировоззренческих ориентиров.

Это даёт право автору службы применить к князю Владимиру множество эпитетов, отражающих характер его подвига («истинный проповедатель, яко апостол Христов», «Христов воин прехрабрый» и т. п.), а также духовный и административный статус князя («корень правоверия», «веры забрало», «камень веры», «наставник», «отец духовный», «верный начальник», «верным правитель», «российская похвала» и др.).

В тропаре князь Владимир уподобляется «купцу, ищущему добрых бисер», который «обрел еси добрый бисер, Христа», чем указывается на известное событие «испытания веры» и на одну из евангельских притч о Царствии Небесном. Уподобляется князь и апостолу Павлу: как того Христос из гонителей сделал великим проповедником («апостолом языков»), так и князя Владимира Христос из язычников избрал на равноапостольные труды; как апостол Павел был ослеплен Богом, а потом прозрел, так и князь Владимир был ослеплен и прозрел телесно и духовно. Таким образом, в тексте тропаря концепты «Христос» и «свет» представлены как смысловые центры всей деятельности равноапостольного князя.

Множество сопоставлений князя Владимира с библейскими и евангельскими личностями (Моисеем, Давидом, Соломоном, ап. Павлом), а также с личностями христианской истории (царём Константином) свидетельствует о стремлении русских иметь общую судьбу со всем просвещённым миром. Топонимические же сравнения (например, Киева с Сионом и Римом) вплетают Русь в священное пространство, подчинённое особому Промыслу Божиему. Самому князю Владимиру отводится достойное место не только в системе духовных истин (вера, просвещение и т. п.), но и в системе национальных ценностей: князь изменяет культурно-цивилизационное развитие своего народа через принятие христианства, становясь неким духовным и административным руководителем народа.

В таком стремлении русского народа выделить из своей среды святую личность («национального гения», по Н. А. Бердяеву) и быть причастниками мировых святынь ясно видится процесс утверждения в качестве национального идеала христианского понятия святости.

Таким образом, в указанном богослужебном тексте национальный аспект представляет собой некий процесс осознания русскими своего места среди

других христианских культур, то есть в современной истории, а также восприятия себя в контексте священной библейской истории, то есть перед лицом истины и вечности. В этой связи главными смысловыми константами в тексте выступают идеи веры, истины, просвещения, историчности.

Очередным историческим событием, повлиявшим на формирование национального самосознания, было татаро-монгольского иго — время потрясений и собирания раздробленной Руси в единое государство. Литература монгольского периода, как упоминалось выше, отличается подъёмом национального духа, осмыслением роли личности в истории государства и жизни народа. Корреляция веры во Христа и спасения народа выступает центральной темой литературных произведений и закрепляется как неотъемлемая черта национального самосознания. В церковной литературе это можно наблюдать с особой отчётливостью, в особенности в текстах, посвященным святым, так или иначе связанным с историей народа, например: прп. Сергию Радонежскому, свт. Алексею, митрополиту Московскому, блгв. кн. Александру Невскому, князьям-мученикам и т. п.

Так, в тексте службы, составленном на преставление Александра Невского (время составления — XVI в.), князь воспринимается не столько как непобедимый воин, но преимущественно как небесный покровитель народа и ходатай пред Богом, монах-молитвенник, врач и т. п. Его воинские доблести, как видно из текста, не являются первостепенными для церковного человека того времени, на первом месте стоит именно духовная сторона, пронизывающая все уровни человеческой жизни — социальный, политический, личный, бытовой. Указанные концепты можно ясно наблюдать в тропаре:

Яко благочестиваго корене пречестная отрасль был еси, блаженне Александре, яви бо тя Христос, яко некое Божественное сокровище Российстей земли, новаго чудотворца, преславна и богоприятна. И днесь, сошедшеся в память твою верою и любовью, во псалмех и пениих радуящися, славим Господа, давшаго тебе благодать исцелений. Егоже моли спасти град сей, и державе сродник твоих богоугодней быти, и сыновом Российским спастися.

С данным текстом подчёркивается идея благородного происхождения князя, где благородство понимается и в смысле сословия, и в смысле христианских добродетелей предков Александра Невского, продолжателем которых он является. В результате этого Александр воспевается как «некое Божественное сокровище Российстей земли», который, в первую очередь, является чудотворцем и исцелителем, ходатаем пред Богом за народ, испрашивающим у Всевышнего не столько защиту от врагов и благоденствие, сколько избрание верных духовных путей: властям («державе сродников») быть богоугодными, а всему народу спасти свои души («сыновом Российским спастися»). В этом небольшом по объёму тексте подчёркивается роль князя в духовном и материальном устройении Русской земли, а также выражается понимание русским народом своего духовного призвания: народ имеет в лице князя духовного защитника и вождя и сам встаёт под его руководство.

В тексте всей службы не единожды подчёркивается важность принадлежности Александра Невского к благочестивому роду как залог его святости: «От благочестиваго корене святопомазанная розга произшед, плод произнесе

себе преподобия и правды» (стихира на малой вечерне). Как продолжение мысли благородного происхождения князя подчёркивается его благочестие: князь «к небесным прилепил еси себе», он «измлада возлюбил Христа», «бесплотных подражав житие, со святыми всеми водворился еси» (стихира на малой вечерне).

Высота духовного подвига Александра Невского подчёркивается такими же сопоставлениями со святыми личностями священной библейской истории, как и в случае князя Владимира, — с пророком Моисеем, Давидом, Иосифом, чья деятельность была судьбоносной для всего народа. Впрочем, следует отметить, что в службе Александру Невскому, в сравнении со службой князю Владимиру, аллюзии на священные имена и места встречаются реже. Всё внимание сосредотачивается на русском пространстве: Русь воспевает своего святого покровителя и защитника, утверждает свои духовные высоты, пополняет сокровищницу истории своей святости.

Концептуальные параллели двух богослужебных текстов — князю Александру и князю Владимиру — наглядно иллюстрируют цельность русского национального самосознания на протяжении многих веков. И хотя текст службы кн. Александру Невскому составлен не в XIII, а в XVI столетии, отношение к духовному облику князя и его добродетелям не могло существенно измениться, поскольку почитание князя как святого, понимание его роли в спасении Русской земли началось сразу же по преставлении великого князя и сохранялось в народной памяти всегда.

Достойное место в национальном самосознании периода монгольского ига занимают князья, принявшие мученическую кончину за свой народ в противостоянии с врагом. Главной добродетелью этих князей является не столько ратный подвиг, сколько благочестивая жизнь и забота о вере, церкви и народе. Только в корреляции с этими добродетелями смерть на поле брани за отечество рассматривается как мученичество и тем самым вносит в национальное самосознание яркие духовные оттенки.

В качестве примера можно привести текст службы князю Георгию Всеволодовичу, основателю Нижнего Новгорода (текст датируется XVII веком).

Так, в самом тропаре присутствует та же корреляция княжеского служения и христианского благочестия, что и в других службах князьям. Князь исполнен ревности «по Святей Троице», что подвигло его к ратному подвигу за крещёный народ и веру. «На высоте великаго княжения сидя, явился еси, благочестием и верою сияя отечеству своему, яко солнце; по Святей Троице ревностию разжегся и за веру крепко пострадав, кровь твою пролиал еси».

Стихиры и другие тексты службы наполнены пафосом мужества, побуждения к стойкости и молитве: «Исмаильскими куманы твое мужество не преложся,.. Божественною благодатию победоносец явися и лик привел еси мученик»; «Воины богомудрии, Христовым рачением распяеми, немощи естественныя забыша и, силою Божественною укрепяеми, гордость безбожных попраша...» (стихиры на «Господи, воззвах»); «Лукавое и неверное злословие Батыево проразумев, благоверный великий княже Георгие, дерзостию духовною по Христе подвизался еси с дружиною» (стихира на стиховне).

В тексте не раз подчёркивается, что мученический подвиг князя Георгия не является локальным, он имеет значение для всей России: «Российская племена вся, елика благочестива, духовне ликовствуйте песньми великаго князя Георгия, пострадавшаго» (стихира на стиховне).

Князь, будучи защитником народа, обладает основными духовными качествами: верой в Бога, желанием подражать Христу, испив Его чашу, презрением к земным благам и исповеданием веры ценой своей жизни. Эти идеи отчётливо выражены в кондаке: «Христове смерти подобяся и Того испити чашу возжелев... за Негоже мужески подвизався, презрев земное царство, от безбожных варвар пострадав до смерти, Георгие богомудре».

В службе красной нитью проводится мысль христианского понимания духовной победы, когда победителем оказывается побеждённый, но сохранивший веру и не отступивший от истины. Можно ясно наблюдать, как противопоставляется благочестие князя и «свирепство варварское». Мученическая кончина князя понимается как победа над вражеской силой: «Кроплением крове твоя погасил еси углие суровства Батыева» (канон). Ратный подвиг Георгия благословляется Богом, князь имеет помощь от святых-мучеников, которые «со ангелами невидимо укрепляху» его. Этим закрепляется образ князя, который стоит во главе «красного лика» (прекрасного собрания) мучеников из своего войска, он является «прогонителем мрака греховного», разумным (духовным) светильником, о чём вся Православная церковь «торжествует, страстотерпца красящихся подвиги (торжествует, украшаясь подвигами страстотерпца)».

Таким образом, духовный облик князя во всех богослужебных текстах реализуется при помощи следующих концептов (топосов):

- происхождение князя из благочестивого рода;
- личное благочестие, любовь к Богу и народу;
- свершение добрых дел на благо народа и церкви (защита, ратный подвиг, мученичество и т. п.).

Особой вехой в формировании русского национального самосознания явились события Флорентийской унии и падение Константинополя. После этих событий Россия начинает осознавать себя хранительницей чистоты православной веры и отеческих преданий, а тема противопоставления России Западу приобретает в русской мысли особую выраженность. Установление патриаршества на Руси утвердило в сознании народа идею её церковной и политической независимости, воплотившуюся в формулировке «Москва — Третий Рим».

Данная идея рассматривается разными мыслителями неоднозначно. Согласно одним учёным, идея Третьего Рима приходит на смену Святой Руси, другие говорят о синтезе этих двух концепций, третьи — об их взаимном сосуществовании наподобие души и тела. Как бы то ни было, самосознание того периода, когда Россия осознала себя самобытной преемницей Византии в сохранении чистоты православия, достигает своего апогея. А. В. Карташев говорит об этом периоде с пиететом:

Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное и религиозно-национальное сознание по существу никогда не подымалось. Последующая его история была только практическим раскрытием и приложением все того же цикла идей. Русское самосознание от самых пелен своих

как-то сразу вознеслось на свою предельную высоту и в этом величии своих помыслов, в некотором их максимализме вскрыло природу России, как лона мировой культуры. <...> Не было еще в истории примера, чтобы народ, создавший свою культуру на почве одного вдохновения, одного идеала, в расцвете сил своих переменял этот идеал и начал творить столь же успешно новую культуру на новую тему [3].

Именно в тот период составляется церковная служба на преставление Александра Невского, служба Георгию Всеволодовичу, в которых доминируют духовные черты жизненного подвига этих князей.

Таким образом, характер национального самосознания Древней Руси, на которую многие русские мыслители смотрят как на некий духовно-нравственный и социально-политический идеал, имеет ярко выраженную христианскую окраску и демонстрирует устремлённость к одному духовному центру. Вся древнерусская литература, как светская, так и религиозная, ясно показывает, что основной чертой национального самосознания Руси была солидарность, единство. «Человек, живя в мире, помнил о мире в целом как огромном единстве, ощущал свое место в этом мире. <...> Человек ощущал себя в большом мире ничтожной частицей и все же участником мировой истории» [4].

Многих признаков, присущих современному национальному мировидению, не было, например чётко выраженного противопоставления России Западу или Востоку; не было и не могло ещё быть идеи панславянства, византизма и самодержавия. Стоит отметить, казалось бы, парадоксальную вещь: ни в одном древнерусском богослужебном тексте не выражено чёткого представления о самих национальных идеях, нет словесных формулировок этих идей типа «Святая Русь», «Третий Рим», «Православие, самодержавие, народность» и др. Присутствуют только понятия о Русской земле, реже — о русском народе, о православной России. Этим богослужебные тексты того времени отличаются от современной гимнографии, посвященной новомученикам, изобилующей национальными мотивами. В средневековых богослужебных текстах внимание сосредотачивается преимущественно на духовных чертах святого князя, показывается его значимость для всего спектра жизни человека, в результате чего великий князь неожиданно именуется врачом, помощником в житейских нуждах, защитником в бытовых скорбях и т. п. Только как результат добродетельной жизни святого указывается значимость его деятельности в общенародном масштабе. Всё это не только говорит об отсутствии словесных формулировок национальных идей в древние времена, но свидетельствует, что всё содержащееся в национальных идеях было естественным духовным фоном жизни человека того времени.

Реформы Петра I провели черту, за которой остались традиции Древней Руси, формировавшие национальное самосознание народа на протяжении многих веков. Деятельность первого русского императора способствовала расколу русского общества на два уровня, один из которых (низы) О. В. Ключевский назвал «почвой», а другой (верхи) — «цивилизацией». А. С. Панарин утверждает, что

деление на верхи и низы, властвующих и подвластных, имущих и неимущих существовало всегда. Но переворот Петра I придал этому делению характер *циви-*

лизационного раскола. Верхи стали западниками, низы превратились в униженных и оскорбляемых автохтонов. Вместо единой национальной культуры появились две культуры, и нация оказалась расколотовой. Отныне расколотовые части удерживались вместе уже не кодексами и нормами культуры, а обручем государственности. Петр I выступил одновременно и как разрушитель национального единства на уровне культуры, и как его созидатель — на уровне государственности [5, с. 48].

Отношение Петра I к Церкви носило во многом утилитарный характер, и та духовная традиция, которая скрепляла народ и определяла смысловые центры его самосознания, была кардинально перестроена. Всё это не могло не отразиться на мировоззрении и мировосприятии русского народа, на укладе церковной жизни, а также на церковной литературе, в которую вкрапляются мотивы героизма, сакральности государственной власти и её роли в жизни народа.

В качестве иллюстрации некоторого изменения облика святого богослужебном тексте может выступать служба на перенесение мощей кн. Александра Невского. Служба датируется первой половиной XVIII века.

В данном тексте князь всё чаще упоминается как непобедимый воин, он представлен как мудрый политик и воин-покровитель России, подчёркивается также важность географической масштабности, связанной с подвигами Александра Невского: «Веселися, Ижерская земле и вся Российская страна, Варяжское море, восплеци руками, Нево реко, распространи своя струи: се бо князь твой и владыка, от ига свейскаго ты свободивый, торжествует во граде Божии, егоже веселят речная устремления» (стихира на «Господи, воззвах»).

Стоит обратить внимание, что осмысляются именно географические территории, ставшие полем ратных подвигов великого князя, а не священные библейские места, служащие обычно для духовных аналогий.

Также в тексте службы отчетливее выделяются внешние качества великого князя: он мудрый устроитель (администратор), воин: «Приидите, вси российстии чини, восхвалите добраго чиноначальника: власти — мудраго строителя, воини — прехрабраго воина...» (стихира на стиховне); «Добр строитель и добль воин, скипетром на престоле право правя, и во брани орижием защищая люди своя...» (стихира на «Господи, воззвах»).

К Александру Невскому в особенности применимы евангельские слова «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13): «...сицевою [любовию. — С. Л.] люди твоя возлюбил еси, на оружие вражие за ня мужественно исходя...» (стихира на «Господи, воззвах»). Князь сравнивается с Моисеем и Давидом, но уже в аспекте земного устройства своего народа: «Моисея, Давида и прочих людей Божиих вождов подражая, мужественно во бранех за люди твоя подвизался еси...» (стихира на «Господи, воззвах»).

Другие сопоставления Александра Невского с библейскими святыми также акцентируют внимание на внешней стороне, в чём можно увидеть некоторые черты имперскости. Например, в стихире на литии поётся: «Да веселится днесь новый Израиль о сотворшем его, и сынове российстии да возрадуются о князе своем... се бо царскою диадимною венча его Царь царствующим». Единство князя и народа подчёркивается словами «плоть от плоти», и выделяется его родство с властью предержавшими — «власть от власти ваша».

Данный аспект, невольно сакрализирующий авторитет самодержавной власти, не единожды встречается в тексте данной службы.

Наконец, в тропаре содержатся идеи величия князя Александра, уподобляемого Иосифу Прекрасному: к князю обращаются с просьбой: «познай свою братию, российский Иосифе» во Царствии Небесном; просят ниспослать земное благоденствие, защитить от внешних врагов и даровать победы властям. В данном тексте можно увидеть некую «приземлённость» образа князя: воспоминается событие с ветхозаветным Иосифом, когда он, ставший влиятельнейшим человеком в Египте, принимает своих братьев, терпевших нужду по причине голода. В применении к князю Александру данный образ несколько неудачен уже потому, что цельность образа Иосифа не мыслится без того трагического сюжета, когда братья продали его в рабство. Встреча с братьями в Египте отражает не столько идею свидания близких людей после разлуки, сколько идею прощения Иосифом своих братьев. В этом острота кульминации данного события! Подобного эпизода в жизни Александра Невского, естественно, не было, поэтому использование для тропаря только части ветхозаветного события является несколько однобоким и позволяет осмыслять образ князя в рамках «земного» события.

Тем не менее во всём богослужебном тексте, безусловно, сохраняется духовное осмысление подвига Александра Невского: князь почитается как небесный покровитель, пастырь народа, «светильник многосветлый Российской земли» и т. п. Все его духовные качества можно свести к одному эпитету, который употребляется в тексте и которым были почтены лишь немногие великие библейские праведники — «раб Божий».

Таким образом, в данном богослужебном тексте, наполненном, как и положено, славословием Богу и святому князю, осмысляются внешние проявления самосознания того времени — возвышение русской имперскости.

Ещё один исторически значимый период невозможно обойти стороной — это период Смутного времени, надо указать на его значимость в формировании национального самосознания. Яркой фигурой тех беспокойных времён является святой патриарх Ермоген. Прежде чем рассмотреть богослужебный текст, посвящённый этому священномученику, нужно иметь в виду, что данная служба составлена в начале XX века и в ней осмысляется подвиг патриарха Ермогена и все события через призму религиозно-философских и национальных идей, которые уже сформировались ко времени написания текста. По этой причине в тексте с большей отчетливостью присутствуют национальные идеи, отчетливо выраженные в словесных формулировках. Также подчеркивается корреляция веры и благосостояния Отечества, выражается мысль, что оскудение России в вере стало причиной её поражения: «Постигоша Русь греси ея, потоцы беззакония смятоша ю...» (стихира на «Господи, воззвах»).

Москва понимается как священная столица: «Граде Москва, сердце Руси Православной, граде великих святителей, красуйся новым чудотворцем Ермогеном» (стихира на малой вечерне).

Любовь патриарха Ермогена к Богу и народу сделали его тёплым ходатаем и молитвенником пред Богом: «...спасай и ныне, юже возлюбил еси, Русь Православную молитвами твоими» (стихира на «Господи, воззвах...»). Духовная

сила является гарантом победы над внешним врагом: «Господи, аще не быхом, святого Твоего священномученика Ермогена имели молитвенника и благостыню Твою... како смели быхом противустати врагом нашим и оградити веру отец наших, и утвердити страну православную?» (стихира на «Господи, воззвах...»).

Синонимом Руси Святой в данном богослужебном тексте выступает выражение «Русь Православная». Причём название «Русь», как более архаичное, сменяет топоним «Россия», который употребляется, в свою очередь, и в самых древних текстах. В этой архаизации можно увидеть стремление вернуться к некоей стирающейся из исторической памяти древности, закрепить именно это название для обозначения того периода, в который формировались основы национального самосознания и национальной картины мира. В этом ракурсе особое внимание привлекают слова из одной стихиры, выражающие любовь Бога к Руси: «...не бойся, малое стадо, не потопити морю житейскому корабля Иисусова, не погибнет Русь Православная и Богом любимая, яко благоизволи Господь дати нам силу, на камени бо веры и правды стоим» (стихира на литии).

В тропаре святой патриарх, «Российския земли первопрестольник», именуется неусыпным молитвенником к Богу за Отечество, который, положив душу за паству, избавил страну от нечестия. Под нечестием здесь нужно понимать не только оккупацию поляками, но и, в первую очередь, потерю основ национального достоинства.

В других текстах службы Ермоген воспевается «строителем земли нашае во дни нестроения», кормчим «Руси Православныя, к Горнему Иерусалиму путеводствующа» (седален). Кондак отражает патриотический подвиг патриарха, который остался верным Христу в темнице, «малодушие от сердец людей твоих отгоняя и на общий подвиг вся призывая», поэтому он «нечестивых мятеж низложил еси и страну нашу утвердил еси».

Таким образом, на примере данного текста можно наблюдать ярко выраженное духовно-патриотическое осмысление добродетели исповедничества. Причем вера в Бога понимается как основа благосостояния Отечества, а любовь к Богу и любовь к Отечеству уравниваются. Духовная же составляющая выступает центром национального самосознания, а духовно-нравственное состояние общества является гарантом величия народа, его политического и экономического благополучия. Такая парадигма мировидения основана на библейской традиции.

Тот факт, что национальные идеи, содержащие христианскую основу, выражаются с особой отчётливостью (что не свойственно текстам допетровского времени), говорит, с одной стороны, о достижениях религиозно-философской мысли, а с другой стороны, очевидно, является реакцией церковных песнотворцев на брожение вольнодумных умов XIX в. Такой опыт духовного осмысления национальных концептов будет весьма востребован в гимнографии российским новомученикам.

Таким образом, проведённый краткий анализ фактического материала позволяет сделать ряд выводов и заключить, что национальные мотивы в русских богослужебных текстах являются их неотъемлемым смысловым компонентом. Это обусловлено тем, что понятие христианской святости избрано русским народом в качестве национального идеала и того теистического основания,

которое сформировало цельность мировосприятия и подчинённость единому смысловому центру. Понимание русским народом своей духовной миссии стало определяться в его сознании после события крещения Руси. Это можно наблюдать на примере первых богослужебных текстов, в которых данная мысль имплицитно присутствует на общем фоне духовного содержания.

Национальное самосознание в богослужебных текстах осмысливается исключительно со стороны духовной доминанты, то есть понимание своей духовно-культурной самобытности, мессианизма, патриотизма является неотъемлемой частью духовной жизни и христианского мировоззрения. По этой причине в древнерусских богослужебных текстах все национальное выглядит как естественный компонент всего течения жизни. Причём, в отличие от теократии ветхозаветного Израиля, Русь не воспринимала себя как теократическое государство, власть князя не распространялась на церковную сферу, но понималась как служение Богу (защита народа и забота о церкви, о просвещении и т. п.). В этом служении все сословия были равны, и это равенство представлялось как свобода и право на участие в истории своей страны.

Христианская добродетель — а высшими её носителями были святые — так или иначе отражалась на нравственности народа, его мировоззрении, культуре, следовательно, так или иначе соприкасалась с национальными аспектами, утвердилась в пространстве культуры и стала неотъемлемой частью национального самосознания, что иллюстрируется в богослужебных текстах ярко выраженной корреляцией веры во Христа с любовью к Родине.

Как показывает проведённый анализ текстов, национальные мотивы в богослужебных текстах эволюционируют, отражая реакцию церкви на исторические события. Однако понимание национального достоинства и благополучия народа всегда связывалось с верой и благочестием. Сам образ святого мог претерпевать изменения в различных богослужебных текстах, но понимание связи добродетели и благородства оставалось неизменным.

Стоит отметить, что на всех этапах эволюции национального самосознания, выраженного в богослужебных произведениях, отсутствуют какие-либо идеи исключительности Руси в национальном или религиозном плане. Наоборот, с первых лет своего крещения она осознавала себя частью христианских народов, имеющих свою священную историю, и считала это своим достоинством. В эту общую священную христианскую историю Русь входила именами своих святых, предлагая крещёному миру историю своей святости.

Таким образом, богослужебные тексты средневековой Руси вносят свои штрихи в общую национальную картину мира: с одной стороны, они показывают духовную цельность мировосприятия, национальное «видение себя», своего уклада жизни, значимость своих святых, своего национального идеала, а с другой стороны, в данных текстах содержатся идеи, отражающие понимание Русью своего места среди мировых христианских культур, своей миссии. Данная когнитивная парадигма, в которой представлены духовные, национальные и вселенские компоненты, является законным основанием для сохранения национального самосознания на протяжении всей истории России. В этом ключе изучение национальной картины мира и философского осмысления самобытности России по отражению в богослужебных текстах

имеет самые широкие перспективы, затрагивая сферы филологии, философии, историософии и богословия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Судьба России. Национальность и человечество. — URL: <https://predanie.ru/book/69716-sudba-rossii/#/toc1> (дата обращения: 01.06.2022).
2. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко: В 20 т. — Т. 1: XI–XII века. — СПб.: Наука, 1997. — URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4864> (дата обращения 13.06.2022).
3. Карташев А. В. Судьбы «Святой Руси». — URL: https://moskvityanin.blogspot.com/2015/10/blog-post_23.html (дата обращения: 13.06.2022).
4. Лихачев Д. С. Великое наследие. — URL: https://royallib.com/book/lihachyov_dmitriy/velikoe_nasledie.html (дата обращения: 13.06.2022).
5. Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев, отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1248 с.
6. Ткаченко В. В. Как «Древняя» Русь стала «Средневековой» Русью? // Как создается «современное» Средневековье, или Medievalism Studies: *Научная конференция*. Электронный научный журнал «Vox medii aevi». — URL: <http://voxmedii.aevi.com/2019/12/18/tkachenko/> (дата обращения: 13.06.2022).
7. Федотов Г. П. Святыне Древней Руси. — М.: Московский рабочий, 1990. — 270 с.